

РЕМ КОЛХАС
НА КРЫШЕ
СВОЕГО ОФИСА
В РОТТЕРДАМЕ.

Выше Крыши

Автор нового здания музея «Гараж» в Парке Горького, голландец Рем Колхас о ценности хрущевской архитектуры и своем давнем романе с Москвой.

Фото: RALPH MESKE Текст: ОЛЬГА КОСЫРЕВА

О СССР можно сказать много плохого, но что было точно хорошо — при Советах с невиданной щедростью строились общественные здания. И мне было крайне интересно взять одно из них и превратить в новое, полезное для новой Москвы», — говорит семидесятилетний голландец Рем Колхас, один из главных архитекторов современности, теоретик деконструктивизма, лауреат Притцкеровской премии, перестроивший советское кафе «Времена года» в Парке Горького в Музей современного искусства «Гараж».

Стекляшка 1968 года постройки была известным в Москве значимым местом и верой-правдой служила стилистам, работягам и хипстерам тех лет вплоть до начала 1990-х. Последние два десятилетия здание пустовало и медленно, но верно разрушалось — до тех пор, пока у парка не началась новая жизнь. Теперь другая жизнь начинается и у кафе — в бывших залах, цехах, кухне будут проходить выставки, лекции, перформансы, детские образовательные программы. Все это само по себе

замечательно. Но у нового здания «Гаража» есть еще один смысл, может быть, не такой очевидный: это редкий для России пример уважительного отношения к архитектуре брежневского модернизма, нелюбимой и многими обруганной за свою якобы безликость и однообразие.

«По всему миру здания 1950–1970-х годов — самые уязвимые, слабозащищенные, — продолжает Колхас. — Все они попросту преданы анафеме, их норовят снести не только в России, но и в Великобритании и Голландии, везде. Я думаю, что глупо пытаться переписать целый период из истории архитектуры. Чем больше я работаю над темой сохранения культурного наследия, тем больше проникаюсь мыслью, что нужно не только беречь прекрасные, уникальные вещи, но и фиксировать и сохранять историю. Если ваши внуки спросят, что тогда была за политическая система, вы будете иметь возможность показать — система родила вот это, вот так развивалась, это был ее язык. Показать, как жили тогда вы, ваши родители, как была устроена и управляема жизнь».

В старом здании «Времен года» Колхас сохранил все, что дожило до момента реконструкции. Утрата, которую решили не восполнять, — это наружное остекление. Внешние стены теперь сделаны из полупрозрачного поли-

карбоната, в двух местах пластиковые блоки могут выдвигаться вверх. Так остроумно архитектор сделал огромный центральный зал частью улицы и придал зданию уникальный силуэт, который гарантирует архитектуре «Гаража» узнаваемость.

Внутри на одной из стен осталось прекрасное декоративное панно с летящей девушкой, совершенно в духе «оттепели». На другой стене не стали сбивать куски советской кафельной плитки. В центре здания на одной балке-косуре висит лестница — концы ее ступеней с обеих сторон парят в воздухе. Сами ступени сделаны из бетона в мозаичной технике терраццо, столь любимой всеми советскими магазинами, поликлиниками, подъездами.

Колхас в ценности советской эстетики убежден гораздо больше, чем мы, бывшие советские. И приводит яркий пример: «Я люблю Берлин. И люблю плавать. И вот еще во времена холодной войны я понял, что лучшие бассейны находятся в восточной части города, и каждый раз ходил плавать туда. Во всех этих бассейнах были потрясающие панно и мозаики — героические люди, отправляющиеся покорять космос, ставить трудовые и спортивные рекорды, все в таком духе. Потом упала Берлинская сте-

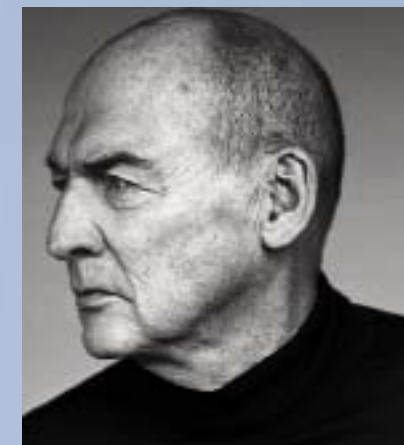
на, и за пять лет все эти эпические фрески были уничтожены — их заменили тропическими рыбками». Я смеюсь, а он продолжает: «Серьезно, я хочу плавать в окружении, прославляющем человека и наполненном оптимизмом. Я предпочитаю смысл бессмыслице». А еще для него, похоже, нет ничего более близкого и значимого в мировом наследии, чем идеи Ивана Леонидова — советского архитектора-конструктивиста 1920–1930-х годов, который был обвинен во вредительстве, а потому почти все его многочисленные проекты, включая концепцию утопического Города Солнца, так и остались на бумаге.

Рем, сын известного голландского кинокритика, тоже начинал как журналист и сценарист, а архитектором решил стать после знакомства с советской архитектурой 1920-х годов и, в частности, с работами Леонидова, которыми увлекался его друг. В конце 1960-х Колхас с ним за компанию проехал от Москвы до Новосибирска. А потом, уже студентом Архитектурной школы Архитектурной ассоциации Лондона съездил в Кисловодск посмотреть лестницу санатория имени Орджоникидзе — единственный реализованный проект Леонидова. >

ФОТО: RALPH MECKE (1), АРХИВ VOGUE (1)

ПРОЕКТ НОВОГО
ЗДАНИЯ «ГАРАЖА».

«Здания 1950-х – 1970-х
по всему миру пре-
даны анафеме, а мне
в «Гараже» хотелось
сохранить как можно
больше от той красоты».

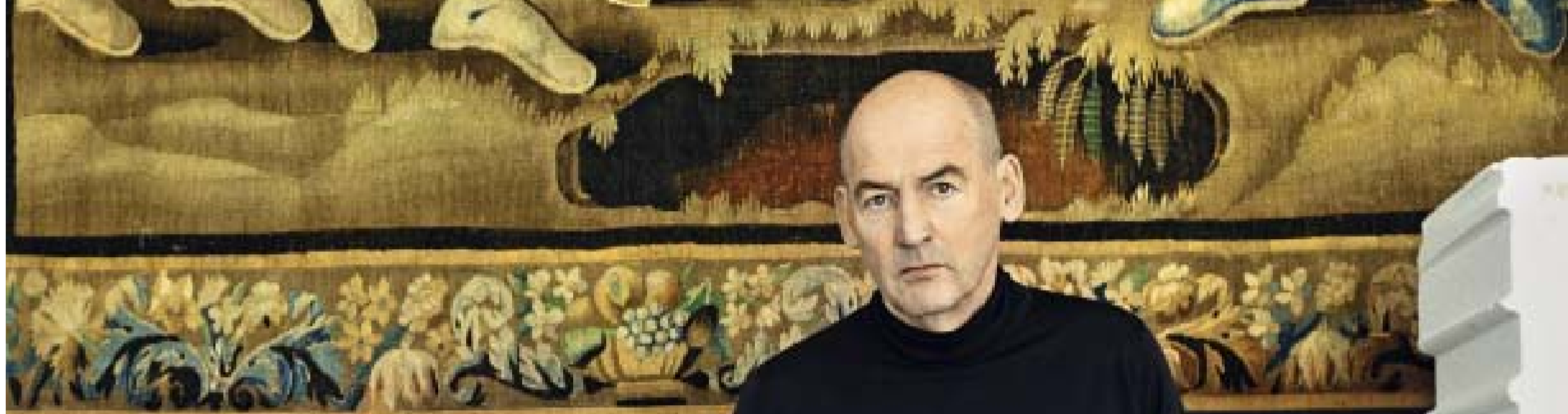

1

2

1. МУЗЕЙ ИСКУССТВ НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА В СЕУЛЕ – ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА НОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ.
2. НЕБОСКРЕБЫ РОТТЕРДАМА – ФАНТАЗИЯ КОЛХАСА НА ТЕМУ НЬЮ-ЙОРКА.
3. ПОД НОВЫЙ МУЗЕЙ FOUNDAZIONE PRADA В МИЛАНЕ АРХИТЕКТОР ПЕРЕСТРОИЛ БЫВШИЕ ВИНОКУРНИ.

3

Теоретик деконструктивизма, лауреат Притцкеровской премии, профессию он выбрал, прокатившись с другом-архитектором от Москвы до Новосибирска.

И с Москвой у Колхаса давние отношения. «Первый раз я приехал в 1965 году. Мы пошли в гинзбургский дом Наркомфина (дом-коммуна на Новинском бульваре, построен в 1930 году, сейчас находится в аварийном состоянии). — *Прим. Vogue*), и с нами была женщина-гид, которая совершенно не понимала, зачем мы хотим смотреть на него. Она все время повторяла: «Вы не видите достижений Советского Союза! Полюбуйтесь лучше на высотку рядом — вот это достижение!» Я тогда понял, что нужно интересоваться не только современной архитектурой, но и неоклассической». Так что Колхас был рад поработать «в одном из самых любимых городов мира».

С хозяйкой «Гаража» Дашей Жуковой они познакомились в 2010 году. Даша попросила общего знакомого, итальянского художника Франческо Веццоли, пригласить Рема Колхаса на ужин. Через год они сделали проект трансформации питерского острова «Новая Голландия», но тот конкурс не выиграли, зато в процессе возникла идея нового здания «Гаража».

Даша — хороший заказчик? Рем кивает: «Могу сказать искренне — да. Seriously. Она чрезвычайно прямая, непосредственная, любопытная, но и решительная. Настоящая удача для архитектора — работать с клиентом, у которого есть понимание того, что он хочет получить».

Для Колхаса работа над уже существующим зданием — еще и новый опыт: «Это странное ощущение. Потому что обычно мы, архитекторы, все делаем с нуля. И я могу сказать: хочу такую комнату здесь, такую — там, а между ними пусть будет круглая комната. А при реконструкции нет возможности фундаментально влиять на форму, потому что она в данном случае уже задана. Это был интереснейший выход за рамки обыденного».

Похоже, отходить от привычного и все время исследовать мир вокруг Рему едва ли не интереснее, чем создавать здания. Работая в разных частях света, он таким образом изучает мир и может вдруг влюбиться, например, в Париж, потому что начал что-то в нем строить, хотя до этого бывал там, разумеется, сотни раз, но без

особой любви. Эта же тяга к познанию двигала им, например, когда Колхас первым из «больших» архитекторов начал делать не мосты и музеи, а бутики одежды и даже фэшн-шоу. «Мы выяснили, какую роль в устройстве магазина играют технологии продаж, психология покупателей, какими значимыми могут быть, например, эскалаторы. Мы стали экспертами в области, где ни у кого не было большого опыта», — говорит Рем.

Результаты исследования пригодились, когда Миучча Прада попросила архитектора спроектировать бутик в Нью-Йорке. Причем такой, который можно было бы в любой момент реформатировать под место для выставок и вечеринок. С тех пор прошло пятнадцать лет, а Рем и Prada до сих пор вместе. «Со временем я понял, что мода — это не такое поэтичное, тонкое занятие, как принято думать, — признается Колхас. — На самом деле она организована жестко и рационально. В архитектуре ты можешь делать

один проект семь лет, а в моде есть возможность выдать две тысячи идей за год, при этом создавая вещи невероятной красоты и с очень высоким КПД. Я стал смотреть на моду не как на область, где ты должен использовать воображение, а как на место, где нужно быть эффективным».

Серьезный и чопорный, каждым словом будто загибающий гвоздь, он кажется сверхчеловеком, неограниченным искусственным интеллектом. И даже на вопросы о житейском — куда он ездит в отпуск и как проводит свободное время — отвечает как мыслитель: «Я всем интересуюсь: музыкой, искусством, спортом и политикой. Сейчас собираюсь вместе с Хансом Ульрихом Обристом, директором лондонской галереи «Серпентайн» и публицистом, издать сборник интервью с бельгийскими политиками. Нам кажется, что они знают что-то такое, что забыли в других странах. Пока всюду в мире происходит разъединение, бельгийцам удастся оставаться вместе. Так что в книжке будет только политика. Как я нахожу на все время? Просто меня это интересует». ■

ФОТО: RALPH MECKE (1); CORBIS/EAST NEWS (1); GETTY IMAGES (1); АРХИВ VOGUE (1); АКЦИДЕНТ ФОТОГРАФА: LAURA YAMIRA SCHEFFER